

ЗАПИСКИ ПРАСКОВИИ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

Понедельник, 14 августа, Званка, 1811.

Утром, после завтрака, мой дядя обычно уходит в свой кабинет, где собирается целая толпа детей, которым он раздает по будням крендели, а по воскресениям пряники. Нет ничего более любопытного, чем видеть доброго дядюшку, окруженного этими забавными малышами; он везде и во всем выказывает ту же справедливость; иногда случается, что кому-то из малышей недостает кренделя. Дядя мой не может вынести, чтобы один получил меньше, чем другие; он посылает искать по всему дому и не успокаивается, пока все доли не будут равны. Тогда он их отпускает, все очень довольны и обещают воротиться на другой день. Очень часто я присутствую при этом дележе, находя истинное удовольствие в том, что вижу почтенное лицо моего дяди, на котором отражается ангельская доброта, посреди этой группы детей; он с ними разговаривает, его доброта видна в каждом его слове; иногда он выступает в роли их судьи. Когда к нему обращаются с жалобами, он терпеливо их выслушивает, и, выслушав обе стороны, делает легкий выговор тому, кто не прав, и восстанавливает мир между поссорившимися малышами.

Затем одна из нас читает вслух; обычно нам служит для этого «Всемирный путешественник»¹ за недостатком более интересных произведений. Мы часто замечали, что всякий раз, когда дядя задремывал, и его случайно будил какой-нибудь шум, и он просыпался, он открывал глаза, улыбаясь, и эта улыбка была его единственным укором тому, кто его разбудил.

1 июля 1812.

Возвратившись из Пскова в Званку, мой дядя Державин получил приказ снова прибыть в Новгород, куда приехал принц Ольденбургский и созвал все высшее дворянское общество; одновременно мы узнали, что Витебск, Минск и вся Курляндия были захвачены врагом.

15 июля мой дядя вернулся из Новгорода. От него мы узнали, что принц прибыл от имени императора просить помощи у знати, обещая сформировать из нее отдельный корпус и выбрать командующего. Сам он призвал жителей Новгорода оставить государственную службу и пойти сражаться против общего врага.

Прибыв в Петербург, мы нашли там всеобщую растерянность. Смоленск был только что взят. Мы готовились к отъезду из города, часть жителей, отступив, уже нашла приют в Вытегре. Все присут-